

В. Штейн

ВОЗМОЖНО ЛИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА?*

Русская общественная мысль всегда имела максималистические оттенки. Под влиянием внезапного головокружительного успеха революции этот идейный максимализм начинает приобретать реальные формы и становится живой угрозой общественному порядку и спокойствию. Крушение старого порядка совершилось так легко и безболезненно. При недостаточной культурности широких народных масс это привело к подрыву самой идеи власти и к представлению о безграничности народной власти и ее достижений. Некоторая, наиболее темная, часть народа вообразила, что борьба с историческими законами так же легка, как со старым режимом. И в результате приходится серьезно обсуждать вопрос о том, возможен ли в России немедленный переход к социализму.

По этому вопросу единодушно высказались в газетной прессе представители нашей экономической науки. Время для социализма не пришло — говорят ученые. Осуществление социализма возможно лишь при том условии, что оно приведет к повышению, а не к понижению производительности национального труда, а это возможно лишь на известной стадии развития производительных сил, еще нами не достигнутой. Социализм предполагает, кроме того, прочную организацию народнохозяйственных сил, которая может создаться лишь в результате продолжительного процесса собирания разрозненных хозяйственных единиц в мощные корпорации. Наконец, переход к социалистическому строю не может произойти путем «социализации» отдельных предприятий, а должен носить характер планомерной перестройки всего народнохозяйственного уклада.

Трудно не согласиться с изложенными доводами. Мы думаем, однако, что нужно пойти и дальше и пересмотреть раз навсегда саму конструкцию научного социализма. Сейчас, когда мы находимся в такой жуткой близости от социализма или, по крайней мере, социалистических экспериментов, когда на отдельных предприятиях захватным порядком пытаются водворить начала нового общественного строя, нужно отдать себе ясный отчет в том, грозит ли капиталистическому строю действительная опасность, — может ли он быть заменен другим порядком, или против него выдвигается призрак, плод утопической фан-

---

* Промышленность и торговля. 1917. № 16-17.

тазии, неспособный к длительному существованию. Когда марксисты в свое время доказывали в полемике с народниками, что для России неизбежно прохождение в ее экономическом развитии капиталистического фазиса, они могли опереться на европейский опыт, тогда как народники должны были в оправдание своих предположений о непосредственном переходе к социализму сослаться на «самобытность» русской истории. Когда теперь фанатики социализма зовут к немедленному воплощению своих идеалов в жизнь, они вовсе не могут апеллировать к прошлому. Тем больше внимания они должны, казалось бы, уделить доказательствам практической осуществимости их идеала, тем пристальнее им следовало бы наблюдать настоящее народного хозяйства и тенденции его развития.

Социальная история последних десятилетий дает в этом отношении очень поучительные указания. Государственное начало, вмешательство власти в частнохозяйственные отношения, несомненно, приобретает все больший и больший вес в экономической жизни. Отрицать рост «государственного социализма» можно лишь по недоразумению. Но рядом с этим усилением государственного начала, начала планомерной рационализации хозяйственного строя, происходит и несомненное развитие частной инициативы, усиление значения индивидуальности для народного хозяйства. Оказывается, рост государственного социализма вовсе не совершается, непременно, за счет личного начала — возможен одновременный расцвет и развитие того и другого. Неправильно представлять себе личность как какой-то сосуд, в который вливаются элементы государственности, вытесняя индивидуальность. Социализм и индивидуализм развиваются и крепнут одновременно.

Почему же, однако, позиция индивидуальности оказывается в народном хозяйстве столь прочной? Марксисты думают, что единственная функция предпринимателей — это предоставлять рабочим орудия производства и получать взамен «прибавочную ценность»; они не отличают предпринимателя — организатора и руководителя производственного процесса — от капиталиста. В этом грехе повинен не только марксизм, но и почти все представители науки. Между тем совершено неверно представление о предпринимателе как о бездеятельном владельце средств производства. Предпринимателю приходится выполнять в современном хозяйственном строе весьма важные функции.

Эта необходимость осуществления в народном хозяйстве функций руководства и организаторства коренится в самом характере современного спроса, которого не предвидели основатели научного социализма. Общественное потребление оказывается крайне неустойчивым, потребности и средства их удовлетворения переживают непрерывные изменения. Это значит, что товары, которые еще вчера имели ценность, могут сделаться завтра ненужными, бросовыми вещами. Это значит, что с деятельностью предпринимателя, создающего эти товары, сопряжен ценностный риск. Что этот риск не является пустой угрозой, он показывает тот обычно игнорируемый факт, что наряду с успешными, приносящими прибыль, предприятиями есть неудачливые, убыточные предприятия; достаточно красноречиво об этом свидетельствует статистика конкурсов. Предвидение будущего спроса, учет предстоящих конъюнктурных перемен — такая сложная и ответственная, требующая знаний, опыта,

наблюдательности, задача, что не всем предпринимателям удастся совладать с ней в одинаковой мере.

Можно ли думать, что при обобществлении хозяйства отпадет эта неустойчивость спроса, что достаточно будет одной регистрации существующих потребностей, чтобы можно было построить для будущего план производства? Ведь разнообразие общественных потребностей, развитие и утончение их является народнохозяйственным идеалом при всяком строе. Может быть, действительно, могли бы смягчиться колебания общественного спроса, вызываемые в наше время сменами периодов депрессии и подъема. Но тем больший размах при повышении среднего уровня потребления приобрели бы колебания чисто потребительского спроса: чем меньшую часть потребления покрывает удовлетворение первейших нужд, тем этот спрос становится все более и более капризным, неуравновешенным, зависимым от «дьявола моды». Таким образом, и при социализме сохранилась бы необходимость настойчивого наблюдения за рынком и его изменениями, учета потребностей, предвидения конъюнктуры.

Не менее существенной является выполняемая предпринимателем задача организации производства. Выбор способов производства, удачный подбор личного состава — рабочих, служащих, своевременная и дешевая закупка необходимых материалов — все это лежит на предпринимателе. Скажут, эти обязанности могут выполняться и часто выполняются техническим персоналом предприятия, а совсем не предпринимателем. Но дело, конечно, не в том, кто является предпринимателем, а в том, кто осуществляет предпринимательские функции. Мы констатируем наличность в хозяйстве определенной задачи, которая непременно должна быть выполнена и притом может быть выполнена с большим или меньшим успехом. От степени успешности ее выполнения зависит ценность народнохозяйственной службы, несомой данным предприятием. Отсюда естественный вывод: вознаграждение лица, эти функции осуществляющего, должно быть поставлено в зависимость от плодов его деятельности, иначе устраняется стимул к активной работе.

Можно, разумеется, сместить всех нынешних руководителей предприятий, но нельзя упразднить предпринимательские функции, заключающиеся в организации производства и предвосхищении рыночной конъюнктуры. В хозяйственной среде должна быть своя аристократия, находящаяся в привилегированных условиях по сравнению с представителями физического труда. Идея народовластия, демократический принцип терпят здесь крушение. Нужно вообще признать, что начало избрания руководителей и вождей не может быть всеобщим и что есть области, где оно должно быть заменено авторитетом знания, опыта, дарования. И если производительные товарищества рабочих оказываются в огромном большинстве случаев несостоятельными, то главнейшей причиной их неудач следует признать неосуществимость идеи народоправства в быту промышленных предприятий. Применение демократического принципа оказывается мнимым и в акционерных обществах, где «всеобщность» голосования парализуется отсутствием равенства голосов; и в результате в организации акционерных предприятий побеждает опирающееся на капитал начало знания и опыта. В экономической науке укрепляется в последнее время та точка зрения, что массовый акционер не является предпринимателем; истинными предпринимателями в акционерных

компаниях нужно признать небольшую группу организаторов и вдохновителей предприятия, привлекающих с широкого рынка денежный капитал в акционерной форме, но не дающих ему фактических прав участия в управлении предприятием. Попытки рабочих на отдельных фабриках и заводах применить выборное начало к техническому персоналу привели, как известно, к плачевному результату — значительному понижению производительности труда. Нетрудно предвидеть, какая разруха всего хозяйства последовала бы за заменой всех технических и экономических руководителей предприятий выборными из рабочей среды!

Вместо начала избрания можно, однако, выдвинуть принцип назначения предпринимателей государственной властью. Став на эту точку зрения, мы расстанемся уже с идеями научного социализма и обращаемся к давно знакомому спору о преимуществах частного и государственного хозяйства. Принципиальная разница заключается, однако, в том, что государственное хозяйство перестает быть одним из видов хозяйственной деятельности и становится единственно допустимым способом хозяйствования. В руках государства оказываются уже не отдельные монополии, а общая монополия предпринимательства.

Что же было бы при осуществлении такого экономического порядка с теперешними предпринимателями? Они становятся государственными чиновниками и получают, вместо прибыли, фиксированное вознаграждение. Ценою пожертвования частью своей возможной прибыли они перелагают риск ведения предприятия на государство. При существующем сейчас напоре на предпринимателей со стороны рабочих такое положение вещей многим предпринимателям показалось бы даже избавлением от грозящей им опасности разорения и гибели.

Но что выиграет от перехода к нему всей промышленности государство? Пусть даже оно будет получать от своей предпринимательской деятельности большие доходы, пожертвовав в то же время теми суммами, которые раньше собирались с промышленности в форме налогов. Едва ли, однако, можно доказать, что именно этот путь обеспечивает государству наибольшее благополучие. Задача экономической политики государства заключается, по нашему разумению, в том, чтобы обеспечить народному хозяйству наибольшую производительность, и наряду с этим добиться более или менее равномерного распределения благ между хозяйствующими субъектами. Отдавая исключительное предпочтение второму стремлению и игнорируя вопрос о народнохозяйственной производительности, государство рискует не выполнить основного своего экономического задания — обеспечения известного минимума потребления всем гражданам. При решении первой части проблемы — создания максимальной производительности — нельзя не считаться с неустранимым, естественным неравенством всех людей, которое неизбежно должно при всяком строе приводить к неравенству заработка. Нельзя вознаграждать одинаково Шалыпина и рядового хориста, Маклакова и среднего адвоката, Ратенау или Моргана как простых рабочих. Оплата труда должна быть пропорциональна создаваемым трудом ценностям — этого элементарного требования нельзя игнорировать. Социалистический строй, если бы он вообще мог существовать, должен быть бы не менее всякого другого поощрять индивидуальные таланты, создавать благоприятную обстановку для проявления личности. Но это осуществленное самой природой неравенство людей и их заработка человеческие установления могут

смягчать перераспределением богатства. Государство может усиленным обложением имущих классов и широкой социальной политикой, направленной на благо неимущих, достигать той же цели, к которой слишком прямолинейно идет социализм: устранение неравномерности в распределении благ между хозяйствующими субъектами. Таким образом, может одновременно достигаться и максимальная народнохозяйственная производительность и приблизительное равенство участия всех в созданных общественным трудом ценностях.

Быть может, некоторые социалисты готовы будут допустить неравенство вознаграждения, определяющееся степенью одаренности, осведомленности и трудоспособности хозяйствующего субъекта. Для них принципиально более важным представляется недопущение частной собственности на средства производства, так как, по их мнению, недопустимо, чтобы простое владение капиталом было основой получения дохода. Однако и в этом вопросе нетрудно обнаружить некоторую недодуманность и неясность мысли. Очевидно, процесс накопления должен совершаться и в условиях социалистического строя. Допустить, что такое накопление будет совершаться исключительно государством, едва ли можно, так как это означало бы, что всем участникам производительной деятельности будет выплачиваться минимальное вознаграждение, обеспечивающее лишь удовлетворение необходимейших потребностей. Иначе у отдельных хозяйствующих субъектов появляется возможность сбережения части своего дохода, или, другими словами, накопления капитала. Было бы бессмысленно принуждать граждан к усиленному потреблению и бороться с накоплением драконовским обложением частного имущества. Вместе с тем не исключена возможность мотовства и расточительства и при социализме. Это значит, что и при социализме у одних будет возможность передачи капитала в ссуду, а у других — потребность в получении подобных ссуд. Вот и готова почва для существования при социализме процента на капитал. Какой смысл при таких условиях иметь запрещение приобретения средств производства в частную собственность? Тем более что сама граница между предметами потребления и средствами производства крайне условна, и одни и те же блага могут попеременно служить и той, и другой цели (например, швейная машина в домашнем быту).

Мы видим, стоит немного задуматься над практическим применением социалистических принципов, и сразу со всех сторон наталкиваемся на трудности. Создатели научного социализма могли отмахиваться от задач конкретного изображения социалистического строя: он казался им скрытым за туманной завесой будущего. Сторонники осуществления социализма в ближайшее время не могут уже отговариваться отдаленностью осуществления их идеалов. Вместо бессодержательных фраз об обобществлении орудий производства, они должны предложить нам ясную картину организации производства и распределения при новом строе. Разрушить существующий строй при отсутствии твердой власти нетрудно. Но что могут предложить нам взамен него проповедники немедленного осуществления социализма?

---

¹ См. ст. проф. Туган-Барановского в «Бирж. Вед.» от 20 апр.: «Русская революция и социализм», ст. проф. Бернацкого в «Русс. Сл.» от 3 мая: «Великая разруха» и ст. прив.-доц. Загорского в «Дне» от 4 мая: «Миражи социализма».

Статья поступила в редакцию 8 июня 2005 г.